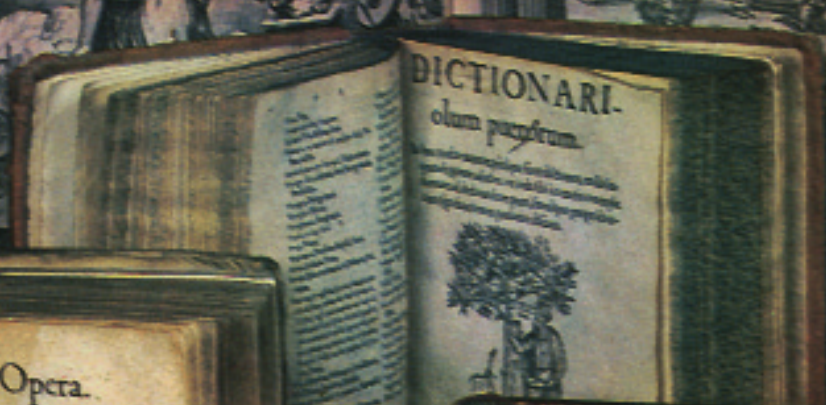
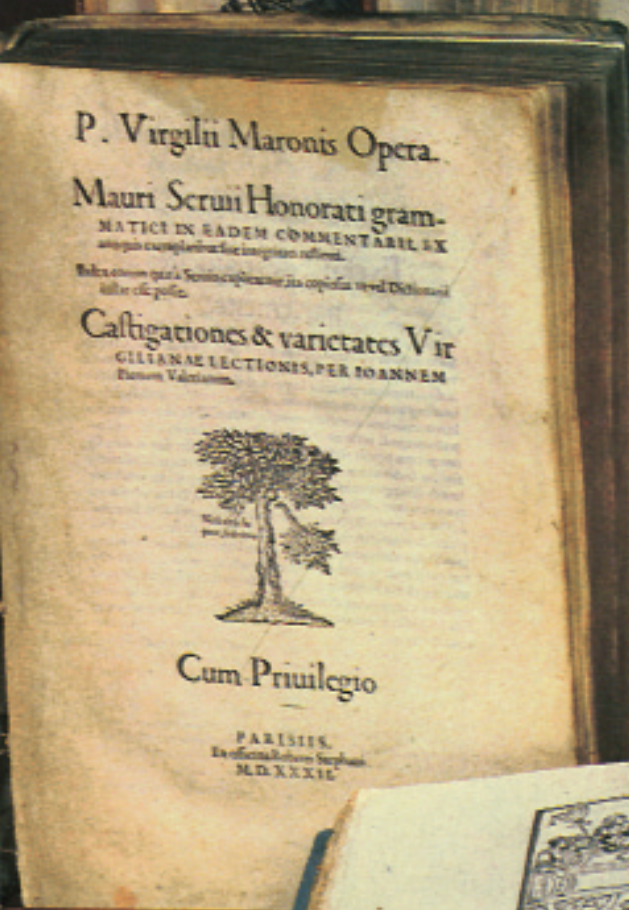

Библиофил

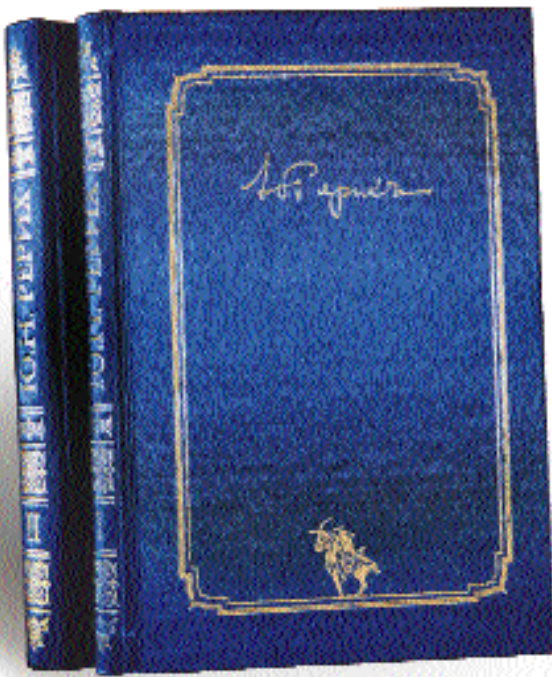

The background features a collage of historical documents and books. At the top left, there is a page with Cyrillic text and a decorative border. Below it is a page with a large, ornate woodcut illustration. In the center, a page shows a detailed architectural drawing of a building with a dome and a banner. To the right, another page displays a similar architectural drawing. At the bottom left, a small portrait of a man in a dark coat is visible. The overall color palette is warm, with shades of yellow, brown, and red.

Т.О. Книжник

Юрий Рерих — человек и ученый

Так случилось, что у нас на Родине о выдающемся русском ученом-востоковеде и лингвисте, энциклопедисте XX века Юрии Николаевиче Рерихе известно не так уж много, в отличие от остальных членов замечательной семьи Рерихов — художника, ученого и путешественника Н.К. Рериха, философа и писателя Е.И. Рерих, художника и общественного деятеля С.Н. Рериха. Отчасти потому, что избранный им жизненный путь не был связан с публичностью, ибо занятия историей и филологией, напротив, требовали углубленности и сосредоточенности, уединенности. Отчасти из-за свойственной нам, русским, манеры пренебрежительно относиться к своим талантливым сородичам и умалчивать их заслуги. Однако труды Юрия Николаевича Рериха по тибетологии, индологии и монголоведению, опубликованные в разных странах мира и на разных языках, уже давно считаются классикой ориенталистики, а его славное имя значится в списках почетных членов многочисленных научных обществ Европы, Азии и Америки. Этот человек, необычайно скромный и простой в общении, не только обладал разносторонними познаниями в самых различных областях — истории, археологии, литературе, этнографии, религии, культурологии, но и в совершенстве знал многие восточные и западные языки, общее число которых было более тридцати.

Публикация эпистолярного наследия Юрия Николаевича Рериха, предпринятая Международным Центром Рерихов к столетнему юбилею ученого¹, позволяет по-новому взглянуть на личность нашего выдающегося соотечественника и освещает доселе неизвестные стороны его жизни и деятельности, иными словами, позволяет увидеть Юрия Рериха не только в ипостаси «кабинетного ученого», погруженного в свои изыскания и оторванного от внешнего мира, но в образе делового человека и умелого организатора, а также любящего сына, друга и брата. Бесценные материалы двухтомника — а это 876 писем — охватывают четыре десятилетия жизни автора, начиная со студенческих лет и до самого его ухода из жизни в мае 1960 года. Почти все они публикуются впервые, и их тематика необычайно разнообразна. Впрочем, как и сама жизнь Юрия Николаевича.

Уже первые письма, открывающие книгу, ярко свидетельствуют о том, что Юрий Рерих принадлежал к той удивительной плеяде людей, которые с ранних лет твердо знают свое призвание в жизни. Перед нами — не беспечный студент, а целеустремленный молодой ученый, у которого уже есть своя тема и свое направление в науке. Вот что пишет он из Гарварда родителям, В.А. Шибяеву и брату Святославу:

«Из лекции Ростовцева еще раз убедился, что Средняя Азия — это Египет будущего, в смысле археологических открытий. Меня очень заинтере-

совали татары и монголы, особенно их былины и песни кочевий»².

«За последнее время я много работал над переводом на русский яз[ык] некоторых Упанишад... Занимаюсь также Тибетом, особенно же психическими способностями ламаистского духовенства. Мне бы хотелось впоследствии сделать эту тему предметом специального исследования»³.

«У меня уже есть тема в области истории Средней Азии. Я хочу дать очерк и переводы персидских трудов по истории Средней Азии. Это будет и оригинально и важно, ибо нам нужно начинать классифицировать добытые результаты в области археологии Средней Азии»⁴.

С приездом в Индию для Юрия Николаевича открылись большие возможности для изучения живых диалектов Востока и его древней культуры. Он принимает участие в знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции своего отца (к сожалению, в нашем архиве сохранились только три письма этого периода), а после окончания путешествия возглавляет Институт гималайских исследований «Урусвати», расположенный в долине Кулу (Западные Гималаи), проработав в качестве его директора более 10 лет. Под умелым руководством Юрия Николаевича этот институт, задуманный как научно-исследовательское учреждение по комплексному изучению обширных территорий Азии, очень скоро становится одним из крупнейших научных учреждений Индии.

С деятельностью «Урусвати» связана значительная часть писем, представленных в двухтомнике. Юрий Николаевич ведет переговоры с научными учреждениями, учеными и финансовыми деятелями о совместной научной работе, публикациях, финансировании отдельных проектов. Под его руководством выходят и распространяются периодические издания Института — ежегодный журнал «Урусвати» и серия «Tibetica». Много сил отдает он организации биохимической лаборатории, в планах которой стояла тема по созданию противораковых лекарств. Письма В.А. Перцову, биохимику Гарвардского университета, подробно рассказывают о задачах этой лаборатории, планах ее работы, постройке здания, размещении сотрудников и т.п. Знакомясь с ними, мы видим, что Юрий Николаевич вникал во все тонкости обустройства и будущей деятельности лаборатории, однако нехватка средств и прочие трудности не позволили ему довести эту работу до конца.

С мая 1934 по сентябрь 1935 г. Юрий Николаевич и Николай Константинович Рерихи участвуют

¹ Рерих Ю.Н. Письма. Т. I. 1919—1935. Т. II. 1936—1960. М.: МЦР, 2002.

² Там же. С. 31—32.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 36.

в Маньчжурской экспедиции, организованной Министерством земледелия США. Помимо сбора семян засухоустойчивых растений участники экспедиции занимались археологической разведкой, собирали лингвистический и фольклорный материал, а также старинные медицинские манускрипты. Условия работы экспедиции были очень сложные из-за политической и военной обстановки в этом регионе, а также из-за противодействия двух американских ботаников, сотрудников Министерства земледелия, которые всячески срывали работу экспедиции и распространяли клеветнические заявления о ее руководителе Н.К. Рерихе.

Около полусотни писем написано Юрием Николаевичем за этот период. Возможно, их содержание покажется читателям не слишком интересным в событийном плане, однако они прекрасно характеризуют деловые качества человека, их писавшего: перед нами — умелый руководитель, собранный, организованный, довольно жесткий, когда надо отстаивать свои позиции, и скрупулезный, когда речь идет о финансовых документах или отчетах по приобретению и ликвидации экспедиционного оборудования. Профессионализм этих писем поражает. Подобные отчеты скорее могли бы выйти из-под пера ботаника или бухгалтера, нежели историка и филолога. Благодаря бюрократам из Министерства земледелия США переписка об экспедиционных делах продолжается даже после того, как отец и сын Рерихи в октябре 1935 г. возвращаются в Кулу.

Немало писем посвящено тем трагическим событиям, которые развернулись в Нью-Йоркском Музее Николая Рериха во второй половине 1930-х годов, когда его президент, американский бизнесмен Луис Хорш, решил стать единственным владельцем здания и находящихся в нем бесценных полотен. Для этого он прибегнул к самым постыдным методам — подделке документов, клевете и воровству. Юрий Николаевич, возмущенный творящимся беспределом, активно включается в борьбу против этих злостных инсинуаций. «Быть может, кому-то вопросы чести не представляют значения, — пишет он, — но я должен сказать, что честь моего отца и репутация имени являются для меня той основой, от которой отказаться я не могу и в этом вопросе ни на какие компромиссы не пойду. <...> Прошу иметь это в виду, и что в этом деле затронут не только один Н.К., но и мы, его сыновья»⁵.

В письмах этого периода Юрий Николаевич предстает перед нами целеустремленным борцом, опирающимся на четкие и достоверные факты. Он не перестает сообщать сотрудникам культурных учреждений Нью-Йорка сведения, опровер-

гающие распространяемую в США клевету о деятельности экспедиции, ссылаясь на публикации и официальные письма Министерства земледелия. Видно, что он очень заботливо относится к хранению документов (впрочем, как и все Рерихи), что позволяет ему обоснованно выступать против всех нападок.

Его размышления о царящих в мире жестокости и насилии, присутствующие на страницах писем 1930-х годов, когда человечество находилось в преддверии второй мировой войны, вряд ли оставят читателей равнодушными. «Странно, что люди не задумываются о творимых ими разрушениях. Ведь “поднявший меч от меча и погибнет”, и мы видим в России, что многие творцы революции уже казнены тем же народом, именем которого восставали»⁶. «Живем в мире злобы и клеветы, и только на днях разыгралась невиданная газетная кампания, затрагивающая интересы целых стран. Мир содрогается от человеческих попыток разрушить основы своего же благосостояния. Трудно предвидеть, куда все это направляется. Наше дело в N[ew] Y[ork] только отражение мирового пожара, который раздувается безумцами»⁷.

Знакомясь с письмами Юрия Николаевича, невольно испытываешь удивление. Казалось бы, чудовищная загруженность организационной работой, бытовые неурядицы и печальная необходимость постоянно противостоять клеветникам и злопыхателям совершенно не оставляют ученому времени для занятий любимой научной работой. Но нет. Постоянно в трудах, не теряющим ни минуты — таким предстает перед нами Юрий Рерих на страницах его эпистол, запечатлевших его работу над знаменитым тибетско-английским словарем с санскритскими параллелями, «Историей Средней Азии», переводами с тибетского и подготовкой к изданию «Голубых Анналов» и «Жизнеописания Дхармасвамины». Он списывается с книжными магазинами Лондона, Парижа и Лейпцига с целью приобретения изданий по вопросам востоковедения, а поскольку его собственные средства оставляют желать лучшего, нередко продает книги из собственной библиотеки в обмен на такие драгоценные источники, как, например, «Сериндия» Аурела Стейна. Консультируется с коллегами-востоковедами — Дж. Туччи, Рольфом Стейном, А.С. Альтераком.

В декабре 1947 года, после ухода Николая Константиновича Рериха, Юрий Николаевич с матерью переезжают в Дели, затем в Кхандалу, где проводят почти целый год в надежде получить долгожданные визы из СССР, а в феврале 1949 г. — отправляются в северо-восточную часть Индии в Каллимпонг. Сразу же по приезде Юрий Николаевич

⁵ Рерих Ю.Н. Письма. Т. II. С. 118.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 112.

активно берется за организацию Индо-тибетского исследовательского института. Он организует курсы по изучению китайского и тибетского языков, привлекая к преподавательской работе в первую очередь самих носителей языка, встречается с известными учеными. К этому времени и сам Юрий Николаевич — уже всемирно известный авторитет в области лингвистики и филологии, философии, археологии и искусствоведения, чье имя знают не только в Индии, но и в Европе и Америке.

Однако вопрос о возвращении в Россию остается для Юрия Николаевича одним из самых насущных. «Как Вам известно, нами было сделано соответствующее заявление от имени матери моей, Елены Ивановны, двух воспитанниц, сестер Богдановых, и моего в феврале 1949 г., — делится он с З.Г. Фосдик в 1952 г. — С тех пор мы ежегодно запрашивали лично, письменно и телеграфно (с оплаченным ответом), о судьбе нашего заявления, но по сей день ответа не получили, хотя нас и заверяли в благожелательном отношении. Наши устремления остались прежними, и я думаю излишне писать о нашей постоянной готовности приложить свои силы и знания. Вы знаете, что я не узкий специалист, а многолетнее всестороннее изучение Среднего и Дальнего Востока, казалось мне, позволяло надеяться на благоприятный ответ»⁸.

Это возвращение состоялось в августе 1957 года, уже после ухода из жизни Елены Ивановны, который явился для Юрия Николаевича тяжелым ударом. Не меньшие испытания ждали его и на Родине. Большинство чиновников от науки имели весьма отдаленное представление о его трудах и о его месте в мировой науке, к тому же многосторонние знания, прекрасное владение языками и потрясающая работоспособность нового коллеги давали повод для зависти и интриг. «Зачем вы сюда приехали?» — не раз слышал он из уст заместителя директора Института востоковедения. Однако Юрий Николаевич не унывал. У него просто не было на это времени. В невероятно короткий срок, всего за два с половиной года, он сумел возродить разгромленную во времена политических репрессий российскую школу буддологии, возобновил издание серии научных трудов и источников по буддийской философии и культуре, воспитал немало учеников.

Много усилий приложил Юрий Николаевич к тому, чтобы вернуть Родине славное имя своих родителей, в корне изменив общественное мнение о семье Рерихов, которую с подачи правящих кругов считали белоэмигрантами и религиозными фанатиками. Именно он сумел пробить стену

бюрократических преград и организовать первую в СССР выставку картин Н.К. Рериха, которая имела огромный успех и прошла по разным городам страны. Именно он благодаря своему огромному духовному потенциалу фактически инициировал рериховское движение в России, о чем, наверное, и не подозревают многие современные его участники.

«Выставка все еще открыта, как говорят — “народ не отпускает”, — пишет он Р.Я. Рудзитису. — Действительно, все слои общества отдали должное ей. Как говорят: “Грандиозный успех”»⁹. «Был в Киеве. Встретил очень теплый прием со стороны худож[ественной] общественности. Многие “болеют Рерихом”. Провел три беседы. Была хорошая тел[евизионная] передача, в которой показали 51 картину»¹⁰. Внимательно знакомясь с письмами, написанными Юрием Николаевичем в последние годы жизни, большая часть которых адресована С.Н. Рериху, Д. Рани-Рерих и Р.Я. Рудзитису, мы видим, что он использует любую возможность, чтобы люди смогли больше узнать о Рерихах, о их жизни и творчестве: готовит публикации в прессе, выступает с лекциями и беседами и, наконец, ставит вопрос о создании музея имени Н.К. Рериха на Родине.

«Юрий Николаевич — это образ истинного, вдохновенного ученого мыслителя, человека исключительной духовной гармонии, — писал С.Н. Рерих о своем безвременно ушедшем брате. — Он прекрасно понимал, что высшее достижение человека лежит в самоусовершенствовании личности, что только постоянно работая над самим собой и развивая в себе качества, присущие человеку, стремящемуся к более совершенной жизни, он мог всесторонне обогатить свою специальность и поднять ее над уровнем повседневности»¹¹.

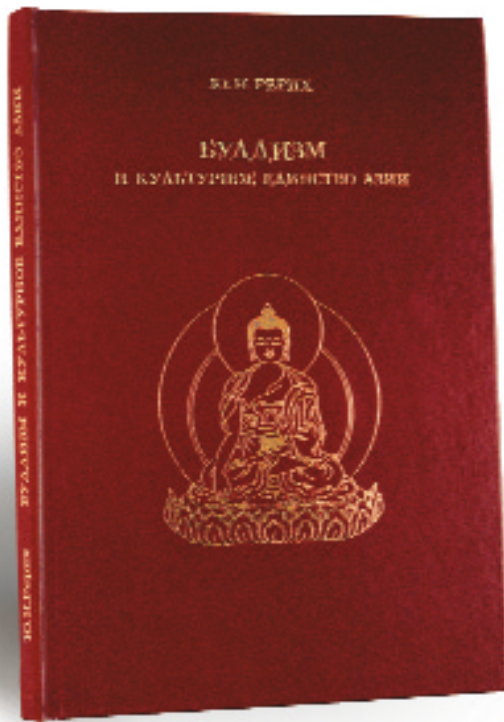
Хочется верить, что письма, собранные в двухтомнике, помогут читателю ярко представить этот образ, ибо они не только являются своеобразной хроникой жизни и деятельности выдающегося ученого, но и отражают его восприятие мира, его чувства, устремления и размышления. В оформлении книги были использованы редкие архивные фотографии, а также живописные и графические работы самого Юрия Николаевича, созданные им в юные годы и экспонирующиеся ныне в Центре-Музее им. Н.К. Рериха. Справочный аппарат издания представлен примечаниями и указателем имен.

⁸ Рерих Ю.Н. Письма. Т. II. С. 226—227.

⁹ Там же. С. 316.

¹⁰ Там же. С. 327.

¹¹ Рерих С.Н. Приветствие, направленное в Институт востоковедения АН СССР 15 октября 1962 г. к торжествам, посвященным 60-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха. Отдел рукописей МЦР.

«Буддизм и культурное единство Азии»

Сборник востоковедческих работ Ю.Н. Рериха «Буддизм и культурное единство Азии», выпущенный в свет Международным Центром Рерихов совместно с «Мастер-Банком» к столетию со дня рождения Ю.Н. Рериха, — это во многих отношениях необычная книга. Прежде всего, нетрадиционен принцип отбора материала: перед нами публикация рукописного наследия Ю.Н. Рериха, которое хранится в архиве МЦР; причем в эту книгу вошли как чистовые, так и черновые варианты работ выдающегося востоковеда. Четыре варианта статьи «Тибетский буддизм», вошедшие в сборник, делают зримой творческую лабораторию ученого, показывают, какую огранку проходила научная мысль Юрия Николаевича, прежде чем создавался окончательный, емкий и лаконичный, текст. Книга составлена из работ разного плана и разного жанра — от газетных статей до перевода тибетского намтара (жития святого) и столь же разнообразна по тематике — от философии и истории религии до лингвистики и искусствоведения. В публицистических статьях Ю.Н. Рерих выказывает себя мастером ёмко выделить главные аспекты сложных культурных феноменов и изложить научный материал в высшей степени доступно. Популярность изложения (в лучшем смысле этого слова) — крайне редкое качество среди большинства ученых, однако, как показывают материалы сборника, Юрий Николаевич обладал этим даром в полной мере.

Книга выгодно отличается от большинства современных научных публикаций большим числом иллюстраций, на которых перед нами проходит вся история буддизма, от Древней Индии через Среднюю Азию и Китай до Тибета. Но

главное достоинство этой книги в том, что она с философской широтой показывает роль буддизма в синтезе культур народов Азии. Все работы, опубликованные в сборнике, по-прежнему актуальны и даже во многом предвосхищают дальнейшее развитие современной буддологии.

Несмотря на широкий охват тем, все работы базируются на общем научном принципе. Этот принцип — раскрытие диалога культур. История тибетского буддизма предстает перед нами как ряд последовательных культурных влияний — сначала Индия, Непал и Китай формируют духовный и художественный мир Тибета, а спустя несколько веков Тибет оказывается источником культуры для Монголии. На страницах статей Ю.Н. Рериха явления культуры рассматриваются не обособленно, а как звенья цепи взаимовлияний великих цивилизаций Азии. В этом смысле небольшая статья «Индия в долгу перед буддизмом» является по сути конспективным изложением истории миграций духовных и культурных богатств древнейшей из стран.

Культурологический подтекст сохраняется и в лингвистических работах Ю.Н. Рериха. История лексических заимствований в монгольском языке предстает в его статье как составная часть истории культурных обменов между Монголией и Тибетом.

Выдающийся путешественник, прошедший вместе со своим отцом Н.К. Рерихом Центрально-Азиатскую и Маньчжурскую экспедиции, Ю.Н. Рерих живо интересовался великими учеными-путешественниками прошлого. На страницах многих его работ упоминается имя китайского буддиста-паломника Сюань-цзана. И не случа-

ен выбор Ю.Н. Рерихом для перевода знаменитого намтара (жития) Дхармасвамины, поскольку более половины этого текста составляет рассказ о нелегких испытаниях, выпавших на долю молодого тибетца, приехавшего в Индию учиться.

Текст намтара местами сумбурен и невнятен, несмотря на простой и ясный английский язык рериховского перевода. Картины, которые разворачиваются перед терпеливым читателем, — монументальны и ужасны одновременно: образованный тибетец с великими трудностями прибывает в Индию, мечтая продолжить там постижение Учения Будды, и попадает в самое пекло войны, которую мусульмане ведут против всех, кто не исповедует их веры. Рискаю жизнью, Дхармасвамин остается в монастыре, откуда бежали все; он спасает от неминуемой гибели своего престарелого наставника и едва не погибает от жестокой лихорадки. Картины варварских разрушений, которые творили мусульмане в XIV веке, трагически перекликаются с современностью, когда тысячелетние статуи Будды были взорваны нынешними приверженцами ислама.

Следует отметить высокий профессионализм переводов статей Юрия Николаевича, собранных в этой книге. Многие из работ Ю.Н. Рериха были написаны им на английском языке, и русские и английские тексты содержат многочисленные от-

сылки к тибетским реалиям. Огромную роль в подготовке таких многоуровневых текстов сыграли консультации замечательного тибетолога Вилены Санджеевны Дылыковой-Парфионович. Ею было сделано точное транскрибирование и доступное толкование тибетских слов и понятий. Благодаря участию Вилены Санджеевны особенно выигрышным в сравнении с предшествующими вариантами перевода оказался перевод с английского намтара (жития) Дхармасвамины (в 1999 году этот текст был опубликован на русском языке самарским издательством в сборнике статей Ю.Н. Рериха «Тибет и Центральная Азия»). Востоковеды свидетельствуют, что переводы статей, собранных в этой книге, выгодно отличаются от сделанных ранее точностью воспроизведения мысли оригинала, богатством русского литературного языка и обстоятельностью научного комментария.

Высокопрофессиональное издание научных трудов — лучший памятник ученому. Международный Центр Рерихов выпустил к столетнему юбилею со дня рождения нашего великого соотечественника Юрия Николаевича Рериха поистине замечательную книгу, которая вызывает уважение и к гению автора, и к труду издателей. Хочется пожелать Центру-Музею дальнейших успехов на благородной ниве популяризации великого наследия Рерихов.

Б.Р. Корженьянц

Уроки Юрия Рериха

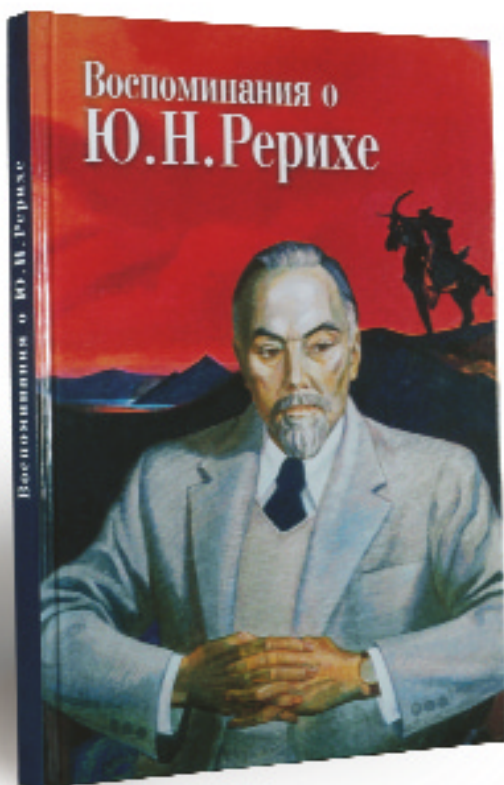
«Юрий Николаевич Рерих как ученый является одним из величайших энциклопедистов Запада и Востока. Лингвист, исследователь, археолог, критик, искусствовед, мыслитель и знаток культуры, он не знал границ в области познания; для него не существовало границ между древним и современным, между Востоком и Западом или между различными отраслями наук. Прежде всего его интересовал человек — он был истинным гуманистом. Юрий Николаевич Рерих как человек был даже еще более велик, чем Юрий Николаевич Рерих как ученый. Он выковал золотое

звено связи не только между Индией и Россией, или между Востоком и Западом, но и между всеми народами всех стран и времен»¹. Эти слова принадлежат Нирмалу Сингху — видному общественному деятелю, директору Намгьяльского Института тибетологии, и убедительное им подтверждение — изданная Международным Центром Рерихов книга, где впервые собраны воспоминания людей, лично знавших Юрия Николаевича Рериха².

Книга открывается «Словом о брате» С.Н. Рериха. «Редко бывает, когда человек с самых ран-

¹ Культура и время. № 3, 2002. С. 5.

² Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. Сборник. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2002.

них лет уже знал бы свой дальнейший Путь. Путь, который развивался и углублялся на протяжении всей жизни»³, — пишет Святослав Николаевич. Особое место он уделяет разносторонности знаний брата, его удивительному таланту ученого, его интересу к истории, археологии, филологии. Проследившая жизненный путь Юрия Николаевича, «вдохновенного ученого-мыслителя, человека высочайшей духовной гармонии», «исключительной чистоты и честности»⁴, он ставит его светлую жизнь в пример молодым, идущим на смену.

Юрий Николаевич — единственный из семьи Рерихов, кому удалось вернуться на Родину. Прожил он здесь менее трех лет до своей скоропостижной смерти, но след оставил необыкновенно глубокий — и в науке, и в культуре, и в благодарной памяти всех, кто имел счастье с ним общаться.

Приезд его стал возможным лишь во второй половине пятидесятых годов, во времена Хрущева, когда страна едва начала оттаивать после долгих лет холодной войны, изоляции от мира и тотального атеизма. В этих условиях Юрий Нико-

лаевич Рерих явился «уникальным энергетическим центром, которого так недоставало в те годы культурной России»⁵. За короткий срок работы в Москве он как ученый сумел сделать то, на что другим не хватило бы и целой жизни.

«Величайшим победителем в битве...» назвал Ю.Н. Рериха в своем интервью П.Ф. Беликов, биограф семьи Рерихов. Человек уникально одаренный и увлеченный, Юрий Николаевич обладал необыкновенной подвижностью ума и молниеносной реакцией на окружающее. «Круг его интересов распространялся далеко за пределы той научной области, в которой он проявил себя ученым-востоковедом и лингвистом. Неожиданно для себя вы открывали, что ему близки вопросы, ничего общего с лингвистикой не имеющие. И он прекрасно в них ориентируется»⁶. При этом бездна его знаний никогда не выставлялась напоказ, они «тонили в той душевной теплоте, в той деликатности, с которой он обращался к людям»⁷. Он был готов к «широкому допущению всего нового»⁸, без отрицания и узости. Но открытость и доверительность его не имели ничего общего с мягкотелостью, готовностью жертвовать своими убеждениями. Недаром, рассказывая о первом впечатлении от встречи с Юрием Николаевичем, П.Ф. Беликов называет его воином. «Внешний вид кабинетного ученого, — говорит он, — был лишь доспехом этого воина»⁹.

Ученики Юрия Николаевича, бывшие аспиранты историк Андрей Зелинский (Москва) и монголовед академик Шагдарен Бира (Улан-Батор) рисуют в своих воспоминаниях образ великого исследователя с широчайшими научными интересами, человека энциклопедических знаний, подобного титанам эпохи Возрождения. Сравнивая научное творчество сына с творчеством его знаменитого отца, А.Н. Зелинский называет Юрия Николаевича «одним из последних евразийцев, сверкнувших в небе нашей многонациональной степной культуры»¹⁰. Любовь к необъятности мира, к познанию неведомого, страсть к путешествиям, конным и пешим, способность к усвоению языков, открытость и любовь к людям он унаследовал от отца. Во время Центрально-Азиатской экспедиции он сформировался как ученый. Около тридцати лет Юрий Николаевич жил и работал в Индии. Он вернулся на Родину ученым с мировым именем, автором многих фундаментальных трудов по вопро-

³ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. С. 7.

⁴ Там же. С. 8, 7.

⁵ Шапошникова Л.В. Слово о Юрии Николаевиче Рерихе. В кн.: Ю.Н. Рерих. Материалы юбилейной конференции. М., 1994. С. 4.

⁶ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. С. 9.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 24.

сам тибетологии, лингвистики и культурного наследия Азии, членом Королевского азиатского общества в Лондоне, Азиатского общества в Бенгалии, Парижского географического общества, американских Археологических и Этнографических обществ и многих других. Весь свой научный авторитет, всю сокровищницу знаний и опыта он принес в дар своему народу. Блестательное имя Юрия Николаевича Рериха, говорит А.Н. Зелинский, принадлежит когорте «тех великих людей России, которые всегда оставались “рыцарями культуры” и хранителями национальной традиции»¹¹.

В статье «Он повернул колесо отечественной тибетологии» Вилена Дылыкова, познакомившаяся с Ю.Н. Рерихом в бытность студенткой, воссоздает живой портрет ученого-энтузиаста, прекрасного педагога, организатора, который растрачивал свою незаурядную энергию, не считаясь со временем и самочувствием. Он всегда был в центре внимания, в активном общении, вокруг него складывалось особое благодатное биополе, он с великой радостью, никому не отказывая, отдавал опыт и знания ученикам и коллегам. Особое восхищение В.С. Дылыковой вызывали блестящие переводы Юрия Николаевича с тибетского: «...У нас никто никогда так не писал и не переводил. Совершенно потрясающая, пленительная поэтическая вязь!»¹² Вызывала восхищение и научная корректность Юрия Николаевича, его уважение к мнению оппонента: «Он *изначально* уважал каждого, к какому бы социальному слою тот ни принадлежал. Это свойство людей высокой культуры, истинно благородных натур»¹³.

Помощники и ученики Ю.Н. Рериха продолжили работу над его уникальным тибетско-санскритско-русско-английским словарем объемом в 100 (!) авторских листов. «...Мы трудились ради памяти Юрия Николаевича, — рассказывает В.С. Дылыкова, — и у нас хватило терпения довести все до конца. *Это словарь Юрия Николаевича Рериха, осуществленная его мечта* <...> Этот памятник ученому, может быть, замечательнее, достойнее, нетленнее бронзового памятника, которого пока еще нет»¹⁴.

Школу Юрия Рериха прошли не только его ученики и коллеги по научной работе, но и многие представители интеллигенции тех лет, художественной и творческой. Это были уроки культуры в самом высоком и расширительном смысле, блистательные импровизационные мастер-классы, как теперь говорят, — касалось ли это

публичных лекций Юрия Николаевича о творчестве Н.К. Рериха или бесед за чашкой чая в его уютном и гостеприимном доме.

Он привез в СССР около четырехсот картин своего отца, которые Николай Константинович завещал в дар народу; принял на себя хлопоты по организации выставок произведений отца и брата. Именно от Ю.Н. Рериха многие наши соотечественники впервые узнали о существовании учения Живой Этики. Ощущая себя духовным наследником Елены Ивановны и Николая Константиновича, он исполнял их волю на Родине в очень трудных условиях, преодолевая сопротивление чиновников-атеистов от науки и культуры. Он знал, как тонка прослойка культуры и как трудно повлиять на сознание. В этом смысле возвращение на Родину стало для него великим испытанием мужества и терпения, считает В.Я. Кашкалда, искусствовед из Новосибирска. Ее статья содержит обзор неустанной и многоплановой деятельности Ю.Н. Рериха в области искусствоведения. На выставках отца он был экскурсоводом, лектором, организатором вернисажей; он писал в газеты и журналы, помогал делать фильмы, выпускать открытки, выступал на радио, в библиотеках, в музеях, в институтах перед самой разной аудиторией — студентами, учеными, художниками, спортсменами-альпинистами и т.д. У него был редчайший дар хранителя уникального наследия родителей и щедрая потребность делиться этим богатством с соотечественниками. В кризисные для культуры 50-е годы, когда студенты художественных вузов, путаясь в различных «измах», шарахались от реализма социалистического к формализму и абстракционизму, знакомство с картинами Рерихов стало для них «светлым ориентиром для развития нового “героического реализма” в искусстве планеты»¹⁵. Рассказывая о своих впечатлениях от выставки на Кузнецком мосту, Вера Кашкалда цитирует писателя Леонида Андреева: «Увидеть картину Рериха — это значит увидеть целый мир».

Мир во всей его многомерной объемности раскрывался и для тех, кому посчастливилось участвовать в беседах с Юрием Николаевичем. Илза и Гунта Рудзите пришли в его дом вместе со своим отцом Рихардом Рудзитисом и обрели духовного Учителя. Юрий Николаевич умел слушать, задавал вопросы и сам охотно отвечал на вопросы, которым не было числа. Бережно записанные авторами воспоминаний духовные уроки Юрия Рериха, его точные и мудрые оценки и де-

¹¹ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. С. 41.

¹² Там же. С. 46.

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ Там же. С. 53.

¹⁵ Там же. С. 113.

ликатные рекомендации тем, кто стремится к нравственному очищению, творчеству, Красоте и Единению, щедро рассыпаны по всем статьям сборника. Его беседы были образцом незашоренного, свободного мышления, равноправного обмена мнениями. Юрий Николаевич не часто цитировал книги Учения, как и его отец, но Живая Этика была сутью его мироощущения, ею освещалась любая тема, уходила ли она в глубь истории или в духовные высоты, или же касалась сегодняшнего дня. Шла ли речь о вере в Россию («Все лучшее притянуто к магниту России»¹⁶, — с большой убежденностью говорил Юрий Николаевич), или о «тяжкой карме» европейских цивилизаций, о практике «молчания духа», неприятии гиперинтеллектуалов и психистов-контактеров, о космических аспектах Учения, об опасности и заразительности низшего астрального мира, — любая затронутая проблема в его присутствии проявлялась сама собой, «знание сливалось с радостным светом и ощущением все более раскрывающейся истины»¹⁷, — пишет художник Леонид Цесюлевич (Барнаул). Единственная встреча с Юрием Николаевичем определила его духовную судьбу и навсегда породнила с Алтаем.

Кира Молчанова, ныне председатель Эстонского общества Рерихов, впервые переступила порог дома Юрия Николаевича вместе с дочерью П.Ф. Беликова Леной. Память ее бережно хранит мельчайшие подробности интерьера, аромат восточных курений, удивительный голос Юрия Николаевича — «чистого тембра, высоких и теплых вибраций». «Там был духовный оазис, ашрам, и для меня суэта земная отступала за порог...»¹⁸

Юрий Николаевич сыграл огромную роль в жизни московских скульпторов А.А. Арндт и А.И. Григорьева и их сына Юрия Арндта. Ариадна Александровна познакомила Юрия Рериха с писателем И.А. Ефремовым, передавала ему, вер-

нувшись из Прибалтики, корректуры от П.Ф. Беликова. Беседы с Юрием Николаевичем она записала в 1960 году.

У Юрия Николаевича Рериха было много вдохновенных планов, они касались и его научной работы, и духовно-просветительной деятельности. Об этом рассказывают все участники сборника. Людмила Митусова вспоминает о его поездке в Ленинград, где предполагалось открыть филиал Академии наук — буддийский храм-музей, в возведении которого принимал участие Н.К. Рерих. Юрию Николаевичу нравилось работать в России, хотя, конечно, здесь ощутимо «не хватало для него праны подножия Гималаев»¹⁹. Он намеревался много путешествовать. Илзе Рудзите рассказывает о его планах поехать в Сибирь: «...Музей надо строить на “чистой земле” — на Алтае. Там следующий центр»²⁰, — говорил Юрий Николаевич. Он мечтал об отдыхе в степях любимой им Монголии, собирался побывать в Коктебеле, в местах, связанных с именем Волошина и русской культурой.

Он ушел «на гребне волны», на ее стремительном взлете, веря в то, что начатые дела будут продолжены и подхвачены другими.

Каждый из Рерихов — Личность. Они взаимодополняют друг друга — в творчестве, философии, стиле жизни и пристрастиях. Они едины, все четверо, и поэтому естественным выглядит решение составителя закончить книгу «Листками воспоминаний» самого Юрия Николаевича о его великом отце, Николае Константиновиче Рерихе.

Сборник иллюстрирован редкими фотографиями, составлен бережно, с любовью и пиететом к личности замечательного патриота-ученого. Это одна из тех книг, которые подтверждают мудрое изречение Сенеки: «Воспоминания о великих людях так же полезны, как и их присутствие»²¹.

Публикаторский отдел Международного Центра Рерихов доводит до сведения читателей, что фраза: «Юрий Николаевич и Святослав Николаевич [Рерихи] весьма сдержанно относились к Б.Н. Абрамову из-за его увлечения астральными записями», опубликованная на с. 85 сборника «Воспоминания о Ю.Н. Рерихе» (М.: МЦР, 2002), выражает точку зрения самого автора очерка, Гунты Рудзите, которая не совпадает с позицией МЦР по данному вопросу. Мы глубоко сожалеем о небрежности, допущенной нами в процессе подготовки издания, и приносим свои извинения всем, кому дорого Имя и Наследие Б.Н. Абрамова.

Главный редактор публикаторского отдела Т.О. Книжник

¹⁶ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. С. 69.

¹⁷ Там же. С. 100.

¹⁸ Там же. С. 63, 58.

¹⁹ Там же. С. 80.

²⁰ Там же. С. 71.

²¹ Там же. С. 112.